



Рисунок 4 – Генералитет, узники быховской тюрьмы осенью 1917 года.

По номерам: 1. Л. Г. Корнилов. 2. А. И. Деникин. 3. Г. М. Ванновский.

4. И. Г. Эрдели. 5. Е. Ф. Эльснер. 6. А. С. Лукомский. 7. В. Н. Кисляков.

8. И. П. Романовский. 9. С. Л. Марков. 10. М. И. Орлов.

11. Л. Н. Новосильцев. 12. В. М. Пронин. 13. И. Г. Соотс.

14. С. Н. Ряснянский. 15. В. Е. Роженко. 16. А. П. Брагин. 17. И. А. Родионов.

18. Г. Л. Чунихин. 19. В. В. Клецанда. 20. С. Ф. Никитин. Осень 1917 года

УДК 323.276

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НАРОДА

А. М. СЕРГЕЕВ

*УВО «Национальный исследовательский
Московский государственный строительный
университет» (НИУ МГСУ), г. Москва*

На сегодняшний день по-прежнему актуален вопрос о многополярном мире, где Республике Беларусь удастся разработать оборону против неприспособленности однополярного мира. Рассмотреть вопрос со всех сторон способствуют ссылки на раннюю советскую историю. События Октябрьской революции 1917 года воплотили в жизнь Ульяновскую задумку о нужде для каждого успешного переворота достигнуть результата собственной защиты. Сам Владимир Ильич Ленин после того, как партия большевиков взяла в октябре 1917 года власть, именовал себя и свое движение «оборонцы».

Лидер партии и его представители в феврале 1918 года выдвинули комплексную программу по формированию у граждан Советского Союза сознания так называемого оборонного типа.

Настоящая программа запомнилась в главную очередность тем, что вступила в эпопею под названием действующего с целью этого периода девиза «Социалистическое отечество в опасности и содержала ряд значимых утверждений:

- о всеобщем характере мобилизационных событий и уменьшении невоенной работы страны;
- о внедрении особенного порядка автотранспортного сообщения и продовольственного обеспечения в государстве, милитаризации управляющей партии;
- о мобилизации жителей тыла в трудовые батальоны;
- ужесточении цензуры в прессе и усилении борьбы с контрреволюционной агентурой.

Но большевицкие надежды мировой революции уже к 1924 г. не оправдались. И.В. Сталину ровным счетом ничего не оставалось выполнять, как провозгласив советский союз «осажденной крепостью», перейти к «возведению социализма в одной стране». Ранее в 1939 г. Советский Союз расходовал в оборонные потребности сверх 30% собственного ВВП. Уже после победы в Великой Отечественной войне в Советском Союзе возобновляла культивироваться философия «осажденной крепости». Её цементировал синдром неожиданного налета германцев – «синдром 22 июня 1941 г.» [1].

Слухи о том, то что новая война может все-таки вспыхнуть, в первоначальные послевоенные годы разнеслись не только из числа «простого народа», но затрагивали и интеллектуальные слои общества. Формировалось особое отношение к жизни: «только бы не было войны». Оборонческий вид сознания воспроизводил элементы милитаристской психологии, носители какой – русские граждане – высказывали, в частности, сомнения подобного рода: а была ли минувшая война доведена вплоть до «победного конца». «Плохо сделали, то что уже после взятия Берлина никак не разгромили «союзников». Необходимо было бы спустить их в Ла-Манш. Официальная популяризация с упоением создавала с недавних союзников облик противника, в главную очередь, в облике Соединенных Штатов Америки. Преобладала концепция охраны национально-государственных заинтересованностей, Советского Союза, как преемника тысячелетнего Российского государства. Пропагандистские атаки сталинского правительства дополнялись стараниями русских литераторов. Лейтмотивом многочисленных художественных творений «позднесталинской» эпохи встала идея о том, что Советский Союз охватывают противники, они безоговорочно и тайно подготавливают толчок в спину народа, по этой причине необходимо развивать внимательность, отвращение к противнику и повсюду раскрывать его разведчиков. В социальном сознании помещался облик американца, американской

культуры, Соединенных Штатов Америки в целом как совершенно агрессивных русскому человеку, внутренней жизни Советского Союза, революционным эталонам. В унисон с «инженерами людских душ» выступали разработчики учебной литературы с целью массового читателя. Роль управляющего партийного пособия взял на себя учебник «Хроника Революционной партии Русского Объединения, авторский состав которого возглавил Б.Н. Пономарев. В его страницах США были наименованы виновниками развязывания холодной войны, в процессе каковой, в свою очередь, увеличилась опасность третьей мировой войны. Условная эффективность пропагандистских стараний властей согласно формированию особенного вида сознания русских людей, неповторимой ментальности защитника Отечества до какого-то периода с лихвой возместила отставание нашей индустрии, аграрного хозяйства, оборонного раздела экономики. Завершающий этап выделялся, в частности, ресурсной расточительностью, высокой аварийностью, несостоятельным дублированием концепций вооружения и показывал собою базисное звено антиамериканской пропаганды в государстве.

При этом внешнеэкономический натиск оборонного комплекса, охватывавшего ВПК, повышался. В фоне нарастающей гонки вооружений Советская оборона выступила в образа специфического генератора оборонного вида сознания людей. Таким образом, оборонный вид сознания – самый исторически и политически стабильный сектор социального сознания людей, развивающий мировоззренческие, поведенческие стандарты и легенды в обстоятельствах природных и неестественно сформированных опасностей человеческого существования. Многофункциональная конструкция данного вида сознания смотрится последующим образом: – роль реанимации образа давнего противника; – роль восстановления образа нового противника; – мобилизационная роль; – консервативно-защитительная роль. Этот вид сознания – группа историческая, подчиненная с хода отечественной модернизации. А она, как общеизвестно, одевала зеркально-подражающий по отношению к Западу облик [2].

С.Н. Хрущев упоминал: «В некоторых случаях создавалось чувство, то что нашими трудами управляют с Пентагона. Так же, проходила информация о восстановлении заинтересованности у североамериканских военных к данной вопросу. Хрущевская оттепель приносила государству неповторимую возможность перехода к развитию гражданского общества с надлежащим, наиболее обширным и меньше ксенофобским видом мышления у народа. Вхождение Советского Союза в период научно-промышленной революции (половина 1950-х гг.) давало собою непредвзятый общеисторический ход, выражавший целый ряд массовых направленностей: унификацию боевых технологий, создание и производство

электронно-вычислительной техники, ракетостроения, ядерной энергетики и многое другое. Состоявшейся в данный период XX съезд КПСС предпринял попытку в духе периода дать ответ на призывы массовых изменений, то что вывело его за рамки событий, сопряженных, основным способом, с разоблачением культа личности Сталина в те годы. Устремляясь преодолеть идеологический и общественно-политический догматизм прошлого русского управления и отражая специфику всемирного научно-технического переворота этой периода, XX съезд дал многозначительному формированию Советского Союза два основных импульса: первый – это общецивилизационный, сходный нуждам общественного пользования, а другой – внутрисистемный, ориентированный в демократизацию общественно-политического существования СССР. И в случае если действие первого импульса существовало исторически стабильным, то второй истощился совместно с подавлением реформаторского направления 1968 г. в Чехословакии. Партийно-политическая верхушка создала собственные «стадии экономического роста». Так, например, в 1959 г. – установление абсолютной и конечной победы социализма в СССР. В 1961 году, уже объявление основы возведения в Советском Союзе материально-промышленной основы коммунизма. А в 1967-1971 годах. – вынесение тезиса о развитом социалистическом обществе. Однако за формулировками не существовало высококачественного перемещения в сторону современной модификации гражданского сообщества, опорой которого имели возможность быть рабочие, научно-техническая интеллигенция, корпус передовых управленцев. К этому развитию событий вызывали реформаторские силы революционных партий Чехословакии, Югославии, Франции, Испании, но в тот период выиграла Сталинская форма сортиментного социализма. К тому же русскому окружению была предложена теория «социалистического содружества», сердцевинной которой считалась «концепция Брежнева», выделявшаяся очевидной милитаристической тенденцией и квазиреволюционным мессианством событий Октября 1917 г. С поддержкой данной теории Советский Союз усмирил Пражскую весну. КПСС заклемила еврокоммунизм испанских, французских и иных «братьев по классу». Сокращение общественно-политической и производственной демократии повергло к тому, что вступление Советского Союза в еще одну всемирную стадию научно-технической революции стремительно затормозилось, а философия «осажденной крепости вновь приняла верх [2].

Реальная тема может быть обширно представлена в учебном процессе – при чтении спецкурсов по внешней политике СССР, интернациональным взаимоотношениям, события мирового ВПК, исторической психологии, события повседневности и другое.

Список литературы

1 Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин// Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357 – 358; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9, доп. и испр. Т. 2. 1917 – 1922. – М., 1983.С. 176, 212.3

2 Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность.1945– 1953. – М., 1999. С. 128–130.

УДК 32.001:374.7

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Р. Ю. ДОЛОМАНЮК

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В намерения Столыпина не входило ни восстановление абсолютизма, ни уничтожение народного представительства – он стремился лишь к установлению в России консервативной, но строго конституционной монархии. Его мечтой была могучая, централизованная империя, экономически здоровая и культурно развитая. "Вы хотите великих перемен, – сказал Столыпин, обращаясь к левому, наполювину социалистическому большинству II Думы, – а я хочу великую Россию"

Именно эта утопическая мечта бросила страну в океан новых потрясений, ибо фатальная ошибка Столыпина заключалась в его непонимании реального положения России, когда высшее сословие, которое еще не сформировалось, как единая сила, не могло стать посредником в отношениях между правящим меньшинством и трудящимися массами.

В то же время частная собственность дворян на землю практически изжила себя. Эта система стала настолько экономически неэффективной, что ее доля в общем производстве не составляла и 10%. Хотели они того или нет, но и правительство и консерваторы были вынуждены в конце концов принять факт естественного упадка землевладельческого дворянства.

После роспуска I Думы решение земельной проблемы перешло в руки Столыпина. Столыпин имел твердые взгляды относительно общины, хуторов, отрубов и путей их насаждения, что составило стержень его аграрной программы. В итоге Столыпину удалось составить целостную программу умеренных преобразований. 24 августа 1906 г. правительство опубликовало декларацию, в которой пыталось оправдать свою политику массовых репрессий и возвещало о намерении провести важные социально политические реформы.